

Леонид ШУР

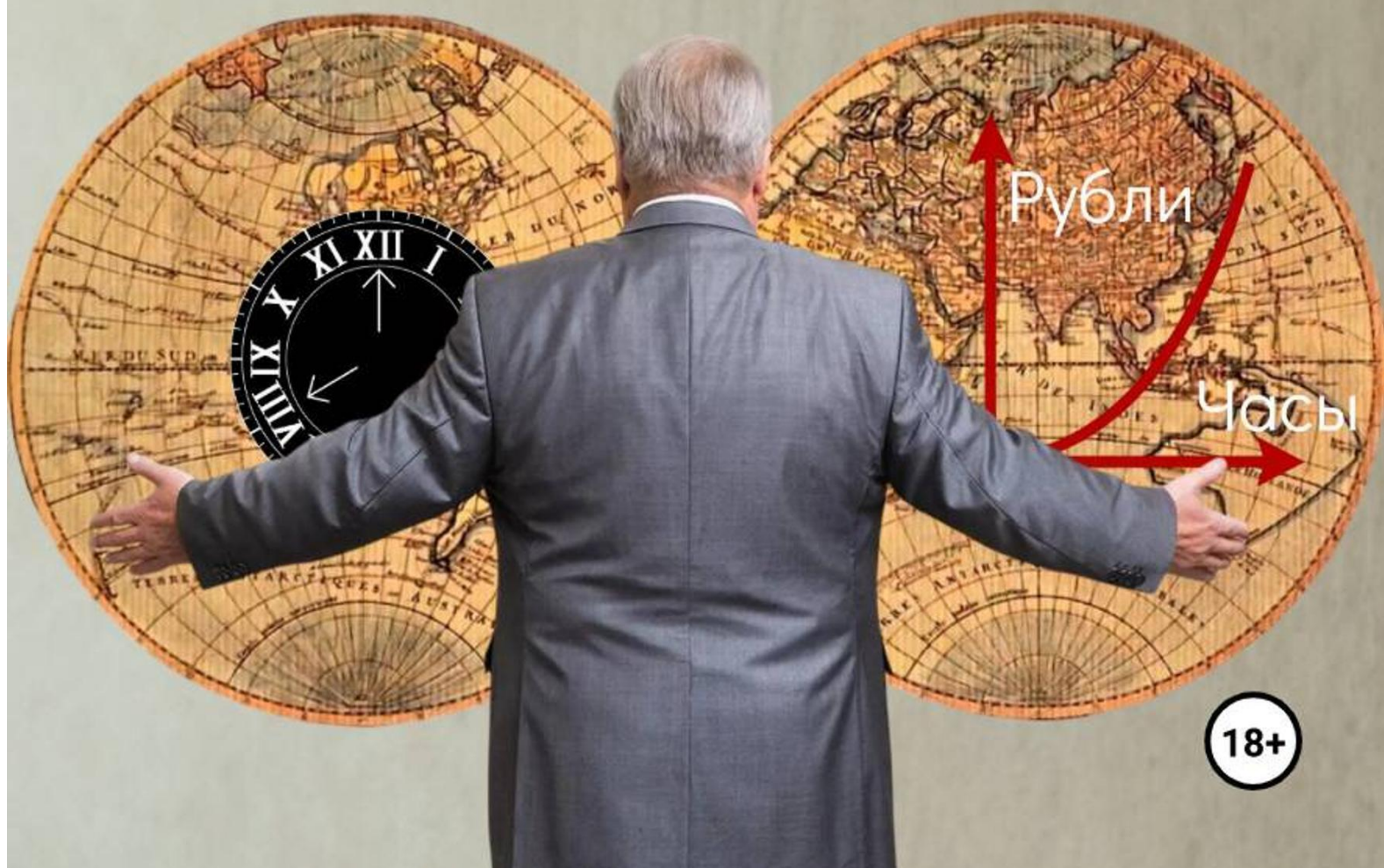
ПОПОЧАСЫ

повесть о настоящем

чиновнике,

который

прозаседался

ПОПОЧАСЫ

Леонид ШУР

ПОПОЧАСЫ

«Автор»

2026

ШУР Л.

ПОПОЧАСЫ / Л. ШУР — «Автор», 2026 — (ПОПОЧАСЫ)

1999 год. Город Чистоплюйск. До миллениума остались недели, но время здесь давно остановилось. Начальник управления информации Алексей Попович оттачивал искусство, которое не требует навыков: сидеть так, чтобы казалось, будто работа кипит. Его изобретение — «попочасы». Новая валюта, где время измеряется не минутами, а часами, просиженными на совещаниях. Их копят. Обменивают на продукты. Выдают вместо зарплаты. Но однажды в город приезжает Алиса Соловьёва — журналистка из Москвы, привыкшая задавать неудобные вопросы. Там, где все отчитываются, она ищет правду. Что будет, когда система начнёт пожирать тех, кто её создал? Можно ли обмануть прибор, который питается не цифрами, а верой в процесс? И кто на самом деле управляет временем: тот, кто сидит в кресле, или тот, кто решается встать? Сатира, которая не развлекает, а убивает. Гоголь, Зощенко и Кафка встречаются в провинциальной мэрии девяностых.

© ШУР Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Леонид ШУР ПОПОЧАСЫ

Глава 1

Леонид ШУР

повесть о настоящем чиновнике,
который прозаседался,
или
житие Алёши Поповича в эпоху
бумажного времени

«Время на заседаниях из жизни не вычитается.
Но жизнь из времени вычитается всегда».
Из должностного регламента
мэрии города Чистоплюйска

оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПРОЛОГ

Дело № 1: Завод часов

Дело № 2: Ходики

Дело № 3: Поворот стрелок

Дело № 4: Остановка

ЭПИЛОГ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если вы открыли эту книгу, значит, у вас ещё есть время. Настоящее. Не то, что заполнено отчётами и совещаниями, а то, которое принадлежит только вам.

В конце девяностых мы все ждали конца света. Компьютеры должны были сойти с ума, лифты — остановиться, поезда — столкнуться. Миллиум приближался, как проверка, к которой никто не готовился. Но конец света отменили. Денег не хватило.

А в городе Чистоплюйске свой конец света наступал каждый день. Когда начиналось совещание.

Именно тогда родились «попочасы». Не шутка. А тихая формула выживания: если не можешь изменить систему — научись в ней сидеть. Чем дольше сидишь — тем больше «заработал». Не важно, что сделал. Важно, сколько просидел.

На стену в кабинете начальника повесили необычный хронометр. Он превращал часы в бумажки. Люди забыли про игру, про прогулки, про облака. Они только сидели и ждали, пока стрелка ползла вверх.

Но время обиделось. Оно перестало течь живой рекой и застыло густым болотом.

Четыре короткие истории, чтобы вы поняли, о чём эта книга:

1. Про КРЕСЛО

В одном кабинете стояло кресло. На нём сидел чиновник с 1975-го по 2000-й. От застоя до хаоса. Менялись времена и нравы, страна и те, кто были правы. Советский Союз закон-

чился и началась Российская Федерация. Управление идеологии переименовали в управление информации. Но смысл оставался один: сиди и не рыпайся.

Однажды ночью, когда все разошлись по домам, кресло скрипнуло, будто застонало от тоски по человеку, который сел бы на него, чтобы что-то сделать, а не просто показать, что он тут был.

Утром пришёл новый чиновник. Сел. Кресло молчало. Чиновник просидел до пенсии, ежегодно писал тысячи отчётов, но ни одной подписи не поставил ради дела. Кресло так и не дождалось. Бумаги в его кабинете пропахли протухшим временем.

2. Про ВРЕМЯ

Молодая женщина продавала чужое время. Приходила в управу, задавала вопросы — чиновники тратили часы на оправдания, дни на ложь. Она писала статьи, люди покупали газеты, чтобы почувствовать, как утекает чужая жизнь.

Когда её спросили: «Сколько стоит минута тишины?» — ответила: «Тишину не продают. Её отсиживают на совещаниях».

Уехала в Москву, стала телевизионной ведущей. Теперь её эфирное время продавали рекламодатели, а тишину между рекламой зрители отсиживали сами. Она так и не поняла, что продала всё чужое время, а своё потеряла навсегда.

3. Про РЕКУ

У реки сидел старик. Он не записывал цифры. Он записывал дни, когда шёл дождь. Потому что вода не врёт, в отличие от отчётов.

К нему подошёл мальчишка: «Можно время остановить?»

Старик улыбнулся: «Можно. Только перестань ждать».

Мальчишка закрыл глаза. Когда открыл, старика не было. Только река. А на берегу лежал мокрый блокнот. В блокноте одна запись: «Сегодня дождь. Значит, кто-то плачет. Но не я».

4. Про ЗЕРКАЛО

Пожилая женщина по утрам смотрелась в зеркало и считала морщины. Одну — за мужа, который не приходил ночевать. Другую — за сына, который забыл позвонить. Третью — за мэра, который назвал её «старой калошей».

Зеркало треснуло. Трещина прошла ровно по всем морщинам. Зеркало упало и разбилось. Лицо стало гладким, как чистый лист. Она вышла на улицу. Люди не узнавали старуху с молодым лицом. Только продавщица в магазине «Прогресс» спросила: «Вы та женщина, что четверть века мыла полы в управе?»

Женщина кивнула.

— А почему не плачете?

— Потому что время считают не морщины, — ответила она. — Его считают те, кто остался рядом. А я осталась одна.

Продавщица протянула ей батон колбасы: «Держите. Это не за попочасы. Просто так».

С тех пор у женщины появилась одна новая морщина — от улыбки. И она больше не смотрелась в зеркало.

Зачем я говорю об этом?

Потому что правда в интернете стоит дешевле, чем молчание в архиве. Но иногда достаточно одного взгляда в зеркало, чтобы перестать считать просиженные часы и начать жить.

Эта книга — не поглаживание, а пощёчина, чтобы проснуться.

Она про то, как мы путаем процесс с результатом. Как верим, что если сидишь ровно, значит, ты на своём месте. Как боимся встать со стула, потому что вдруг окажется, что ты никому не нужен без этого стула.

Не так важно, сколько часов вы провели за столом. Время спрашивает, что успели почувствовать. Кому помогли. Что поняли. Время не накапливается в папках. Оно утекает, как вода сквозь пальцы. И единственный способ его удержать — не считать. А жить.

Чистоплюйск — это не город на карте. Это зеркало. Если вы узнаете в нём свои дни, свои сомнения, свои тихие «зачем я здесь» — значит, книга уже начала работать.

Читайте не глазами. Читайте сердцем, если оно ещё стучит, а не галочку в отчёте ставит.

Читайте не тем местом, которое затекает на совещаниях.

Добро пожаловать в Чистоплюйск. Здесь не измеряют жизнь. Здесь её просиживают.

И да, хронометр ещё работает. Как и вы.

Леонид Шур

P.S. Если дочитали до конца — значит, ваше время ещё не просижено. Вы на правильном пути. Следуйте за белым пуделем.

Эта повесть — не документальная, все персонажи, организации и события вымышлены. Любые совпадения с реальными лицами или фактами случайны

Но каждый бюрократ будет встрече с ней не рад. Потому что узнает себя.

ПРОЛОГ

Малыш Алёша пришёл к бабе Фёкле и сел рядом. Она сидела на лавке и чистила картошку. В жёлтой кастрюле — белая картошка. В руках — красный нож.

— Баб Фёкла, а что такое время?

— Время как вода в ладони. Сожмёшь — утечёт. Разожмёшь — пусто.

— Объясни просто.

— Время — это когда ждёшь.

— А когда не ждёшь?

— Тогда и времени нет.

Алёша помолчал. Потом спросил:

— А если долго сидеть на одном месте?

Баба Фёкла не подняла глаз.

— Тогда время кончится. Кресло привыкнет. А потом не отпустит.

— А я?

— А ты останешься. Сидеть.

Алёша стал рядом. Баба снимала кожуру бережно. Одна картошка. Вторая. Третья. Кожура падала в таз глухо, как шаги в пустом коридоре.

— Баб, а можно время остановить?

— Можно.

— Как?

— Не жди.

Алёша сел и закрыл глаза. Не ждал. Сидел и слушал, как баба выпускала картошку на свободу. Кожура не шуршала.

— Баб, а ты чего не чистишь?

— Чищу.

— А не слышно.

— Картошка варёная. Называется в мундирах. Поэтому тихо.

— Значит, не ждал, — сказала баба Фёкла.

Алёша открыл глаза. В тазу лежала серая кожура. Баба чистила.

— Баб, а я что — уснул?

— Нет. Ты просто был там, где времени нет. Там пенсию не платят. Зато отчётов не просят.

— А где это?

Баба Фёкла вытерла руки о синий фартук.

— Там не надо спешить. И не от кого убегать. Сидишь и не ждёшь, что кто-то скажет: «Хватит сидеть».

— А если скажут?

— Тогда значит, уже не там.

Алёша молчал. Баба Фёкла взяла ещё одну картошку.

— Баб, а долго я там был?

— Достаточно.

— А сколько — достаточно?

— Столько, сколько не заметил.

— А можно потрогать время?

— Можно. Если долго сидеть на одном месте — оно отлежит бока. Встанешь — а на стуле остаётся твоя тень.

Алёша хотел спросить ещё. Но открыл глаза и увидел, что сидит на лавке один. Бабы Фёклы нет. Кастрюли нет. Картошки нет. Он закрыл глаза снова.

Баба Фёкла сидела рядом. Чистила картошку. Кожура летела на землю.

— Ты опять ждал, — сказала она. — А надо просто сидеть.

— А если картошка уже готова, — спросил Алёша, — зачем чистить?

Баба Фёкла посмотрела на малыша.

— Мундир — это рабочая одежда. Ты его дома снимаешь? Или так и ходишь в нём, даже на кухню?

— Ты мне говорила, что надо беречь честь смолоду. А у мундира есть честь?

— У мундира есть только пуговицы, Алёша. А честь — это когда ты мундир снял, а тебе не стыдно.

— А что такое честь?

— Когда честно живёшь. Делаешь дело и не врёшь.

Она снова принялась чистить.

Он сидел. Не ждал. Кожура летела. Время не шло.

— Баб Фёкла, — сказал он, — а я умер?

— Нет, — сказала она. — Ты просто вернулся туда, где времени нет.

— Я так не запомню. А можно записать и туда с собой листочек взять?

— Можно. Только он там станет чистым. И ты забудешь, что на нём было написано.

— А если я не хочу забывать?

— Тогда не бери листочек.

— Я возьму тетрадку, буду сидеть и записывать часы. Чтобы мне за это платили. Поэтому буду записывать. Закончится одна тетрадка, начну другую.

Она протянула Алёше чистую, ещё тёплую картофелину.

— Не считай время, которое ничем не занято. Плохо кончишь. Время само считает людей. Просто живи. И ешь. Но не всё сразу — подавишься. Откусывай кусочек за кусочком. Когда жуёшь — замечай вкус второго хлеба.

— А я хочу носить мундир. Может, это мой долг.

— Долг — это когда начальству должен. Не то у тебя здоровье. Не носи погоны, не грузи вагоны.

Алёша открыл глаза. Бабы Фёклы нет.

В тазу вместо кожиры лежали все его детские молочные зубы. И одна сушка.

— Не просиди своё время, — услышал малыш её голос из пустоты. — Просиживают из-за долга. Живут и умирают ради чести.

АНОНС

Дело № 1: Завод часов

Левша приносит хронометр. Попович кормит его протоколами. График растёт. Система запущена. Остановить её можно. Но для этого нужно сделать то, на что у начальника нет полномочий: встать со стула.

Дело № 1: Завод часов

Попа становится важнее головы.

На сцену Дома культуры вышел Мишка Пончик — высокий молодой человек в сером костюме с отливом, в очках с тёмно-зелёными стёклами. Поправил микрофон, объявил:

— Дорогие друзья! Сегодня мы поговорим о времени. О том, как его научились считать в Чистоплюйске. О человеке, который превратил сидение на стуле в искусство. Дорогие друзья! Любите ли вы процесс, как любим мы его? Встречайте — это мой учитель Алексей Никитич Попович!

По залу прокатились короткие аплодисменты, словно шуршание сухих листьев.

Из-за кулис вышел солидный седой мужчина среднего роста. В таком же костюме. В таких же очках. Будто молодой человек на сцене — его отражение, только без морщин и седины. Они встретились взглядами. Молодой сделал шаг назад, уступая место у микрофона.

— Алексей Никитич, город помнит ваши правила. Они стали народными. Расскажите нам о самом главном. Что такое попочасы?

— Это вы придумали? — выкрикнули из зала.

— Да, — улыбнулся Попович и показал три пальца.

— Три правила.

Попович постучал пальцем по трибуне, но не стал за неё. На миг задумался.

— Первое. Никогда не делайте то, что можно перепоручить. Видимость работы — это работа. Описание процесса — работа двойная. Переписал протокол три раза — герой труда. Жаль, медаль картонная.

Он отступил на полшага.

— Второе. Три перерыва в день по двадцать минут. За год выйдет шестнадцать дней отдыха. Никто не заметил. Потому что в перерывах я не просто ел пюре — я думал. О том, как сидеть ещё удобнее и при этом ничего не делать.

Он поправил манжет.

— Третье. Настоящая работа портит отчётность. Процесс не кончается никогда. Это святое. Работа — это когда тебя спрашивают: зачем. А процесс — когда все молчат и кивают.

В зале воцарилась тишина. За окном Дома культуры каркали вороны, считая время, которое больше ни на что не потратят.

— Алексей Никитич, спасибо, что пришли. Люди не могут без учёта. Им нужно знать, сколько они стоят. Сейчас попочасы отменили. Что делать?

— Ждите. Через десять лет кто-нибудь придумает то же самое. Назовёт по-другому. Вы скажете: «Это мы проходили».

— А вот мы нашли другого мастера — Правшу. Люций Фёдорович обещал ПОПОЧАСЫ запустить. — Молодой человек обвёл зал торжественным взглядом, — Это хронометр, который стоит без дела в городском архиве. Алексей Никитич, что будет, если всё получится?

— Стрелка часов сделает круг, и всё сначала! — протянула старушка Ключкина в первом ряду.

— Нет! — возразил Попович. — Стрелка согнётся крючком. Зацепится за прошлое — в будущее не пустит. Закрутится спираль, где время не течёт рекой, а стоит болотом.

Встала Лидочка. Бюст внушительный. Парик светлый, взбитый, будто крем на торте.

— Алексей Никитич, но существовали же три вида попочасов!

— Да, и я сейчас рассказывал о первом — о моей системе отчётности.

— Вы же работали начальником городского управления информации.

— Да, как сейчас Мишка Пончик.

Высокий молодой человек приветственно помахал рукой публике, среди которой преобладали московские студентки на экскурсии. Они захлопали и завизжали, а Лидочка поморщилась.

— И Вы числились в одной должности, но подписывал бумаги ещё и за девятнадцать комиссий. По зарплатам, по борьбе с «проблемой 2000», — Лидочка на секунду замерла, придав лицу важность, — по цензуре стенгазет в вытрезвителях...

— Всего не перечесать, хоть документ скручивай. Когда входил в кабинет, казалось, будто за мной вползал целый штат невидимых помощников, — усмехнулся Попович.

— Одна попа девятнадцать стульев бережёт! — крикнул кто-то из зала.

— А вы попробуйте двадцать пять лет подряд сидеть так, чтобы кресло казалось тронном. Это же искусство управления. Двигатель прогресса — не только голова.

— Попа — это стратегический объект государственного значения. А попа не болела? — захихикали в зале.

Попович переступил с ноги на ногу и крикнул, *как старый половик*.

— И что в итоге? — раздалось из третьего ряда.

— Меньше поп — меньше проблем. Меньше кабинетов, мебели и техники. А бюджет тогда едва дышал, поэтому каждая сэкономленная тысяча выдавалась за подвиг. Я эти подвиги совершал, не вставая со стула. В заседаниях участвовали и власти, и народ.

— А почему обсуждали только власти, а народ безмолвствовал? — громко спросили из зала.

Баба Фёкла в ватнике ответила крикуну: «Власти обсуждали — это работа. А народ безмолвствовал — это его судьба».

Из зала крикнули: «А у вас от сидения спина не болит?»

Попович ответил в микрофон: «Спина болит у того, кто встал. Кто сидит — тот не чувствует».

— А ещё, — добавил Мишка Пончик, — у Вас была фраза, которая стала визитной карточкой. Её знали все — от секретарш до губернатора. «Главное — процесс, товарищи. Работаем...» Но мы застряли на попочасах — как на часах, которые Вы, извините, просиживали на разных заседаниях как глава девятнадцати комиссий, и за это получали приличные вознаграждения.

— Да, Мишка, как сказала Лидочка, существовало ещё два вида попочасов. Вторые — это нелегальная валюта, бумажки с кляксами, которые обменивал на рубли у горожан бизнесмен Армен. А третьи — это хронометр, который смастерил наш знаменитый Левша...

В магазине «Прогресс» пахло селёдкой и стиральным порошком. Седобородый мужичок в фиолетовом плаще вытащил из кармана мятый листок.

Корявым почерком там значилось: «1 попочас». Вместо печати — синяя клякса, точь-в-точь синяк.

— За батон докторской колбасы, — сказал мужичок. Голос глухой, будто из пустой бочки.

Продавщица с бейджиком «Надежда Последняя» взяла бумажку двумя пальцами, будто дохлого таракана. Поднесла к глазам, прищурилась.

— Это что за валюта?

— Какая валюта? — обиделся мужичок. — Это попочасы. Отработанное время. Сам Попович выдал. На совещании по врачам, при всех. Подписано, заверено.

Говорил он так серьёзно, что не поверить было нельзя. В Чистоплюйске таких теперь бродило немало: руки золотые, карманы пустые, как гнезда после осени.

Продавщица схватила с прилавка пакет белорусской картошки и со всего размаху огрела его по голове, так что пакет лопнул. Перекрестилась.

— Уйди, ирод! Время не меняют!

Мужичок постоял, потирая затылок. Глянул исподлобья. Поднял с пола чёрную кепку с белой надписью «Найк». Сказал тихо, глядя на рассыпанную картошку: «Время не картошка. Но по голове тоже даст. А вы тут зажрались!»

Продавщица перекрестилась второй раз, уже мелко-мелко и прошептала: «Проваливай, а то милицию вызову».

Он медленно повернулся и вышел, сжимая в руке листок с кляксой.

А через полчаса уже сидел в управе, методично макая перо в чернильницу и выводя на тетрадном листе: «Жалоба».

Секретарша Лидочка, даже не глянув, приняла бумагу и засунула в папку «Чепуха».

Он сидел, потирая затылок и пялясь в окно на сугробы под угольной пылью, которые казались чёрным хлебом. По льду между реками мерно шагала одинокая ворона. Грязная Помойка ползла с запада — тяжело и медленно. Чистая Росинка бежала с востока — легко и воровато.

Левша зажмурился и вспомнил, что город при царе Николае первом был назван Пьянск.

При большевиках переименован в Светлобудущинск, но пьянствовать меньше не стали.

Город стоял на слиянии двух рек — Помойки и Росинки. При перестройке на карте появился Поморосинск. На трезвую голову такое тоже не придумаешь.

В девяносто первом мэр Гарин, которого как скользкого типа прозвали «маргарин», собрал сход на площади Ленина, прочитал с трибуны отчёт о светлом будущем и предложил: «Назовём город по-человечески».

Народ безмолвствовал. Даже в эпоху гласности говорить не научился.

К микрофону возле трибуны вышел санитарный врач Кузнецов и заявил: «У меня голова болит после вчерашнего. Но я давно хотел сказать. Это чисто русский город. Я думал назвать его Чисторусск. Но я ещё до перестройки начал наблюдать. Чиновники плюют сквозь зубы на асфальт перед входом в управу. Предлагаю назвать город Чистоплюйск. Чтобы сразу было понятно: здесь не гадят. Только плюют».

Мэр Гарин поправил свои брови, похожие на брежневские, и развёл руками: «Браво! Звучит как приговор грязи. Чистоплюй — не ругательство, а человек, который брезгует. Кото-

рый против порока и неопорядка. Приятно слышать такое от санитарного врача, тебе премия. Утверждаю. Все свободны».

Название записали в протокол.

Через неделю Кузнецов подал заявление об увольнении. В графе «причина» написал: «Был пьян, ошибся».

Заявление мэра не подписал. Кузнецов работает до сих пор. Каждое утро он выходит на крыльцо, смотрит на табличку «Чистоплюйск» и видит то же, что и раньше. Только теперь он ничего не предлагает. Плюет через левое плечо и отправляется на совещание.

А город остался Чистоплюйском. Потому что переименовывать в пятый раз — это уже не бюрократия. Это признание ошибки. А ошибок в управе не бывает. Только протоколы.

Левша открыл глаза, встал и к выходу. А когда дошёл до двери, крикнул: «Передайте Алексею Никитичу жалобу. Скажите, Левша был». Лидочка даже головы не подняла, разглядывая журнал. А он постоял, помялся и достал из кармана фляжку. Отхлебнул. Спрятал. Дынул самогоном, но Лидочка и этого не заметила.

Утренний ритуал Поповича занимал три минуты.

Сначала в зеркале — усталый старик. Пальцы приглаживают вихры над лысиной, спина хрустит, подбородок вздёргивается. Ладони шлёпают по щекам — и вот уже глядит Начальник. Отражение моргает на долю секунды позже, будто чужое. Убери зачёс и осанку — и он дряхлый кот Базилио, которого вот-вот выгонят из кукольного театра.

Сел за стол. Жена поставила тарелку. Ложка звякнула. Людмила Петровна не подняла глаз. Попович ел кашу — презрительно, будто подписывал указ о всеобщем насыщении.

Смотрел в экран, не мигая. Жевал, не чувствуя вкуса. Манка остывала, затягиваясь плёнкой. По телевизору шло ток-шоу «ГОЛОС ПРАВДЫ». Выступал человек, похожий на бывшего генерального прокурора.

Ведущая: Долг честного служащего — какой?

Гость: Искать правду. Даже если она в бане.

Ведущая: А если правда — не вы?

Гость: Тогда долг — доказать, что это не вы. А честность — чтобы самому в это поверить.

Ведущая: И вы поверили?

Гость: Я поверил в процесс. А результат — уже дело техники.

Ведущая: Реклама. Перерыв на совещание.

Попович выключил телевизор и поморщился.

Жена спряталась в своей спальне и водила рукой по ковру, где когда-то плескались лебеди. Палец замирал на птице с искалеченным крылом — вела по линии разрыва, словно штопала старый носок, который всё равно было жалко выбрасывать. Когда-то она ждала от него слов, потом взгляда, потом — чтобы просто не мешал. Теперь ждала, когда уйдёт на работу, чтобы поговорить с ковром. А потом будет ждать, когда вернётся. Чтобы сказать: уходи опять.

В коридоре не горела лампочка. Попович залез на стул, выкрутил старую лампочку, поморщившись, будто от зубной боли. Новую никак не мог вернуть. Пальцы, привыкшие только расписываться, не слушались. Лампочка выскакивала, как живая.

— Да чёрт с ней! — бросил он, оставляя патрон пустым. — Сэкономим электричество. Вопрос закрыт.

Жена на кухне молола кофе в мясорубке. Остановилась. Глянула на пустой патрон в потолке. Продолжила крутить. В полумраке её лицо казалось таким же потускневшим, как ковёр с выцветшими лебедями.

В половине девятого служебная серая «Волга» подъехала к хрущёвке на окраине Коммунистической улицы. За рулём сидел дядя Коля. От него пахло бензином и верной службой. На панели качала головой пластмассовая ворона — купил для компании. Тридцать пять лет возил начальство и заодно по привычке считал ворон. Птиц любил больше, чем людей.

— Птицы надёжнее людей, — говорил дядя Коля. — Каждый день одни и те же. Пользы — ноль. Как на совещании.

Попович фыркнул: «Вороны каркают по делу. А мы резолюции пишем».

— Алексей Никитич, в субботу у подъезда заметил новый автомобиль. «Чайку». Московские номера. Стёкла тёмные. И на двери написано «ФАК». Я сначала думал — ругательство. А потом присмотрелся — там эмблема: скрещенные мечи. Значит, серьёзная контора. Остановились у ресторана. Вышло двое в коричневом. Стояли неподвижно, будто манекены.

— Коля, я тебя умоляю. Я понятия не имею, кто это. Значит, никто. Нам они ничего не сделают. Даже если захотят.

— Да кто их знает, кто они, — вздохнул дядя Коля, почесывая затылок. — В воскресенье я видел — у Армена побывали. Может, это федералы? Может, агенты? Может, контролёры? В наше время всякое случается. Главное, чтобы бензин не кончился. А то как поедем?

Путь до управы занимал пятнадцать минут. Всё это время начальник листал газету «Труд».

Там журналюги сочиняли, что в Железнодорожном учителям выдали зарплату гробами — местная фабрика расплатилась с бюджетниками. Гробы потом продавали на базаре по полцены. Кто брал себе про запас, кто — почившей соседке на похороны, кто — живому соседу в подарок. Учителя плевались, но брали: лучше гроб, чем ничего.

В другом районе директор завода повесился после того, как полгода не выплачивал работникам зарплату. В Москве взорвали дом, в Чечне взяли Грозный, а премьер-министр обещал мочить террористов в сортире. Попович газетам не верил, но читал. И завидовал — у них хоть что-то происходит. К тому же надо знать, о чём люди врут.

Автомобиль скользил по разбитой дороге. Попович смотрел в окно. Мимо плыли серые пятиэтажки. Чёрные сугробы под угольной пылью. Белый дым валил из труб. Сплетницы в очереди у магазина «Прогресс» переминались с ноги на ногу и говорили о том, что в 2000 году наступит компьютерный конец света. Ельцин опять лёг в больницу, а без него, глядишь, и свету конец. Попович потёр ухо: апокалипсис переносили с завидным постоянством, как совещание на пятницу.

— Гляньте, Алексей Никитич, — дядя Коля кивнул на управу. — Ангелы-то совсем облезли. Красота!

Попович посмотрел на фасад: когда-то лепнина сияла, теперь — одни провалы. Как и везде.

Здание управы примостилось за памятником — трёхэтажный особняк купеческой постройки. Во дворе сушилось бельё из прачечной. Крыша текла в четырёх местах, поэтому в кабинетах наверху круглый год стояли тазы: зимой в них собирали талую воду, летом — дождевую.

На фасаде, под карнизом, висел городской герб: чёрный змей, кусающий себя за хвост. Внутри живого кольца — циферблат с белыми римскими цифрами. Утвердил герб ещё мэр

Гарин. «Змей — это время, которое жрёт само себя, — объяснял он. — А римские цифры — чтобы никто не знал, который час». С тех пор в Чистоплюйске все отчёты сдавались точно в полдень. К концу девяностых змей добрался до XII и застрял. Часы на гербе показывали полночь, но мэрия продолжала работать. Потому что настоящего времени в городе уже не было.

Попович вошёл в кабинет. Над его столом висел портрет. Борис Николаевич смотрел, будто спрашивал: «Ну что, понимаешь?» Попович вздрагивал, когда ловил этот взгляд.

Но первый президент устал и ушёл. В начале января уборщица тётя Зина портрет сняла. — Чего ему тут пылиться? — буркнула она. — Теперь новый год, новое счастье.

На обоях осталось только светлое пятно.

— Нет! Надо обратно повесить! — возразил хозяин кабинета. — И уважение проявить, и место пока вакантно.

Над столом для заседаний висел подарок коллег на тридцатилетие — хронометр. Изда-лека — как парная деталь тела, на которой сидят. Одинаковая для обоих полов. В народе она обозначала «конец света».

Создатель клялся, что это чертеж мира.

Два бежевых полушария рядом — Запад и Восток.

Слева, где Америка, мирно тикал белый циферблат с римскими цифрами по кругу. Справа, где Россия, гордо пульсировал красный график с двумя осями: часы и рубли.

Тот самый мужичок в фиолетовом плаще по прозвищу Левша смастерил этот прибор. После закрытия оборонного завода он перебивался поделками да ремонтом на дому.

При вручении подарка Левша откашлялся, вытер руки о плащ и заявил: «Это вам, Алексей Никитич, чтобы Вы время не теряли. Время сильнее, чем деньги. Хронометр, конечно, но не только время, а и деньги считает. Так что считайте — ещё и рублеметр. Смотрите: стрелка на одной оси часы считает, на другой — рубли».

— Вот в эту щель, как я понял, — пояснил, тяжело дыша, главный бухгалтер Степан Степанович Берлага, — и надо опускать протоколы. Прибор ведёт учёт работы. График ползёт вверх. Скажите задание в микрофон сбоку, и он выдаст отчёт за любой период, в том числе, в сравнении, по темам и по количеству — всё, что Вам, Алексей Никитич, угодно!

Берлага был толстым и лысым. Лоб сиял, как стеклянный кролик с его стола.

— Это очень удобно, — присоединился главный специалист по занятости Иванюк, на галстук которого был напечатан герб СССР, — Ваша система попочасов станет графиком.

Заведующая отделом кадров Бегемотова в розовой кофточке дотронулась до прибора и отёрнула пальчик: «Тёплый. Это он так всегда или только когда работает?»

Левша усмехнулся: «Когда работает — горячий. Это он так дышит».

— Спасибо, — откашлялся Попович, — Назову эту штуку тоже ПОПОЧАСАМИ. Что-то урчит. Как двигатель, которому не дают топлива. Я, если честно, побаиваюсь техники.

— Потом привыкнете, — вступила Бегемотова, — Вот у меня поясница болит: пока ноет, я жива. Замолчит — значит, померла.

— А тут не бомба с часовым механизмом, — поинтересовался санитарный врач.

— Ты уже не на войне, Кузнецов, — положила ему руку на плечо психиатрша Кашенко в очках с двойными стёклами.

— Только не обижайте его, — добавил Левша, уже стоя в дверях вместе с белым пуделем. — Кормите бумагой, и только заполненной. И заполненной правильно. Хронометр обманывать не надо. Запомните три правила:

Взвесит не дело, а бумагу. Чистый лист выплюнет.

Если ложь в цифрах — обожжёт.

В процесс поверишь — накормит. Всё!

Попович посмотрел на прибор. Спросил тихо:

— А если перекормлю?

Левша усмехнулся.

— Тогда сожрёт вас.

Дверь захлопнулась.

— Интересное устройство, — покачал головой Попович.

Коллеги подтянулись к столу.

Разлили советское шампанское и чокнулись с Поповичем гранёными стаканами. Выпили молча и разошлись по кабинетам.

— Коллектив образцовый, потому что практически непьющий, — подумал он.

Появилась секретарша Лидочка с подносом и вынесла стаканы. Попович сказал «спасибо». Она не обернулась.

Воздух в кабинете стоял, как вода в ванне. Алексей Никитич сел, график вспыхнул и загудел. Попович подскочил, словно его током ударило. Показалось, что в кабинете кто-то есть. Никого. Только пыль танцевала в луче света. Но пальцы покалывало. На правой руке, на подушечках появились красные точки. Жгло, как от сигареты. Будто пересчитали, как мелочь в ладони шулера. Будто клеймо поставили, как скотине на ярмарке.

Попович подошёл к прибору и развёл руки в стороны, похлопал в ладоши.

Сунул в щель чистый лист — хронометр выплюнул скомканным. Попович сунул заполненный протокол — прибор проглотил, заурчал.

— Хорошая машина, — подумал Попович. — Жрёт бумагу, не гадит. Лучше некоторых сотрудников.

В коридоре заскулил пудель. Левша заглянул в кабинет, посмотрел на хронометр, потом на Поповича.

— Слышите? Прибор чует, когда обманывают. Я его специально научил. Если скулит — значит, бумажка в щель пошла пустая. Прибор живёт ровно столько, сколько в него верят. Перестанут верить — умрёт. Он запоминает всё, чему его научили. Но если кормить его долго — он начинает сам придумывать меню. Как ребёнок, которому не объяснили, где ложь, а где игра.

Левша вышел. Пудель трижды тявкнул.

Попович вышел в коридор и огляделся. Ни Левши, никого не было.

Пудель сидел у двери туалета и не моргал, только дышал часто-часто. Смотрел прямо на человека. Будто говорил: «Я тоже на цепи. Только моя цепь короче».

— Ну что, Артемон, зачем звал? Я думал, ты меня забыл. А я тебя всё время вспоминаю.

Попович присел. Колени хрустнули, словно сухие ветки. Пудель ткнулся холодным носом в ладонь. Пахло мокрой шерстью и пылью.

— Прости, что тебя отдал чужому человеку. Людмила сказала: «Тебе же некогда. Выбери — он или я!» А я выбрал кресло начальника.

Почесал за ухом вставшего на задние лапы пуделя и обнял его.

— Ах, ты мой единственный преданный друг! Ну что, теперь, куда ты, туда и я?

Левша вышел из туалета, застёгивая ширинку.

Артемон глянул на Поповича и побежал к хозяину.

Попович вернулся в кабинет и погладил график. Тот был тёплый.

— Теперь я в ресурсе, — подумал он, — А что ещё нужно для счастья?

В десять часов собиралась комиссия по этике.

Чиновники уселись за стол заседаний под хронометром.

Представители общественности разместились на стульях у выхода. Они имели право высказаться, но никогда им не пользовались.

Секретарша Лидочка заранее принесла проект плаката: старушка с клюшкой, юноша в наушниках, подпись крупными буквами «Уступи место — не будь свиньёй!»

Попович кивнул. Оглядел комиссию. Вообразил свиньями. Криво усмехнулся.

Бегемотова ткнула ногтем: «Какое неуважение к ветеранам!»

Иванюк подскочил: «Это намёк на западную культуру!»

Попович встал: «Успокойтесь. Клюшку надо убрать. Лидочка, сотри!»

Лидочка стерла. Старушка осталась с протянутой рукой.

Лысенко закрыла лицо руками: «Это же теперь моя бабушка!»

Экологиня Грета уронила графин, подняла и застегнула на молнию свою спортивную курточку.

Вода разлилась по протоколу. Агрономка Лысенко поправила ватник.

Попович жевал сушку. Когда все выдохлись, сказал: «Голосуем».

Все подняли руки.

Прснулся Кузнецов: «За что голосуем?»

Психиатрша закрыла ему рот ладонью: «Тихо! Диагноз ещё не ставлю».

— Совещание кончается не тогда, когда решили. А тогда, когда устали сидеть, — сказал Кузнецов и вышел.

Лампочка мигнула и погасла. Ветер плевался дождём в окно.

Алексей Никитич поднялся, потянулся и на цыпочках подошёл к окну.

В центре Чистоплюйска, на площади Ленина, стоял памятник. Хромой Савелий и одно-рукий Захар использовали постамент как стол. В народе памятник звали «На троих», хотя в бронзе застыли только двое — Маркс и Энгельс. Мужики в кожаных куртках чокнулись стаканами, и Савелий, видимо, сказал Захару: «Ленин всегда с нами, просто за добавкой отошёл».

Из пустых глазниц основоположников на них взирали вороны.

— Снайпер! — гневно выкрикнул Захар, соскребая с шеврона белую метку. — Целиться учили, ах ты, тварь пернатая!

— Мы воевали, они гадят, — вздохнул Савелий. — Разница только в калибре.

Ворона предьявила тыл, беззастенчиво, как бюрократ.

Захар запустил вверх камушком, но мимо. Ворона упорхнула, издевательски каркая.

— Нищя. Временная, — Савелий допил стакан, поставил на постамент. — У каждого своя война. У нас — с тем, что было. У них — с тем, чего нет.

В 12:15 Лидочка уселась за свой стол в приёмной — пожевать жвачку и полистать американский журнал, который назывался «Магазин». На развороте — чернокожий американец на белом «Мерседесе» с миллионом долларов в дипломате.

Лидочка мечтала выйти замуж за иностранца. Повесила над столом карту США и выписывала из журнала места, где такие водятся. Красным фломастером обвела Нью-Йорк. Подписала: «Здесь живут красавчики». Рядом на карте России написала: «А здесь — мы». И зачеркнула. Потом стёрла. Потом написала снова: «Здесь тоже люди. Но у них нет жвачки без сахара».

Из дальнего зарубежья в её жизни пока был только «Орбит» без сахара. Но Лидочка свято верила: если представить, то сбудется. Жвачка без сахара — первый шаг к американцу без

жира. И каждый раз, когда начальник начинал говорить, она закрывала глаза и видела не его, а высокорослого атлета из страны, где все носят «Найк». Это помогало не заснуть на совещаниях.

В тринадцать часов Лидочка со словами «кушать подано» вошла в кабинет начальника с полным подносом.

Попович переключал бумаги из одной папки в другую, потом обратно, потом из одной в три, из трёх в одну.

— Алексей Никитич, что вы делаете?

— Оптимизирую документооборот, — не поднимая головы, ответил он. — Ускоряю. Ну ещё, ещё, ещё! Стоп!

Он устало откинулся в кресло и выдохнул.

Лидочка подставила перед ним компот, пюре с котлетой, солёный помидор, борщ.

Попович съел всё именно в такой последовательности, утёр салфеткой рот, подошёл к дивану и упал на него ниц. Лидочка всё это время не сводила с Алексея Никитича глаз, затем бесшумно собрала посуду и шмыгнула за дверь.

Перед тем, как выйти из управы, Левша успевал пообщаться со всем сотрудниками. У дверей он встретил тётю Зину.

Левша кивнул на стеклянную дверь. За ней Савелий с Захаром выпивали на постаменте.

— Здорово, Зина! Я смотрю, эти борцы за трезвость никак не успокоятся.

— А что им ещё делать, — ответила тётя Зина, выжимая тряпку.

— Я сюда шёл — видел, как они кошку, которая гадила на клумбу, отматерили. А потом за ней погнались. Ну, коты!

— Охотники! Основной мужской инстинкт. Догнали хотя бы?

— Повезло кошке — скользко, снаружи никто не убирает. Попадали пьяненькие.

Тётя Зина вздохнула, махнула шваброй — та со свистом рассекла воздух и врезалась в дверной косяк. Левша сделал шаг назад.

— Задрали эти ветераны. Всем жить мешают.

— А ты им жить не мешай, — буркнула Зина и пошла драить ступени. Швабра заскребла по бетону, как по нервам.

Левша натянул кепку поглубже и вышел.

Студент-заочник Мишка Пончик утром включал компьютер «Пентиум-100» и открывал свою тайную базу — реестр. Он вносил туда каждое имя, каждую цифру из протоколов, которые перебирал в архиве. Шашечная комбинация отражалась на экране, но Мишка изучал столбцы таблицы. Он знал, сколько кто сидел, кто сколько получал, у кого какие долги. Начальство требовало отчётов. Попович писал «342 дела». Откуда цифры — никто не знал, кроме Мишки.

Он собирал досье на самых важных персон Чистоплюйска. Рядом с фотографией рисовал какой-нибудь знак. На Деле №1 — часы с башни управы. Попович А.Н. Конечно, вот он Супермен и пример для подражания.

Дядя Стёпа обеспечил минимальный доход архивариуса и выживание в городе. Но Мишка всегда хотел большего. Чего, пока ещё до конца не понимал. Поэтому изучал жизнь замечательного человека на своём месте. Копии документов дополнял листами со своими выводами.

А ещё Мишка вёл тетрадку, где расписывал планы. В графе «цель № 2»: «диплом режиссёра». В графе «итог»: «Пока не доучился». В графе «цель № 1» ничего не написано.

Он откинулся на стуле и вспомнил, как переехал в Чистоплюйск.

— Смотри в оба глаза, племянник, — Берлага положил ключи от архива на стол. — Теперь ты у меня вместо сына. И слушай в оба уха.

— Дядь Степан, я уже понял.

— Понял он. — Берлага крикнул. — Ты похороны отца помнишь?

Мишка кивнул.

— Помню. Мать выла в бане, где отец повесился. Колхоз обанкротился. Она собрала чемодан и сказала: «Я в Москву, нянечкой. Ты у дяди побудешь».

— А она не нянечкой была. — Берлага скрестил руки на пузе.

— Я знаю: проституткой.

— Через год нашли. В съёмной квартире. Я тебе тогда не сказал. Маленький был. Ты сказал, что знаешь. Но ты не знал. Это сейчас догадался.

У Мишки дёрнулся нос. Он спрятал протоколы и потрогал нос.

— А нос у тебя чего?

— Нормальный.

— Был нормальный, — Берлага усмехнулся. — А теперь вон какой. Растёт, когда врешь, что ли?

— Я уже вырос и теперь большой, дядь Степан.

— Большой, — Берлага усмехнулся. — Большие жрут, пока их не сожрут те, кто побольше. Ты пока сам не выбрал, за кого сядешь.

Мишка поправил на голове полосатую шапку с помпоном — ту, что мать связала семь лет назад.

Берлага посмотрел на него долго, потом кивнул.

— Угу. Вот тебе первое задание.

Дядя достал из потёртого чемодана и сунул племяннику большущую пачку старых протоколов.

— Это всё пересмотри. Кто, когда, сколько сидел. Мне для отчёта.

— А Вы чего сами?

— А я сверху посмотрю. Ты — глаза. Я — голова. Запомни: кто в архиве роется, тот и хозяин положения. Потому что знает, где скелеты. И где деньги.

Мишка накрыл ключи рукой и сжал их.

— Мимо ни одна бумажка не пройдёт.

— А у тебя на цепочке, Мишка, крестик?

Пончик расстегнул ворот. Золотой ключик на впалой груди.

— Это американская флешка, дядь Степан. От мамы. Сказала: «Откроет любую дверь».

Берлага усмехнулся: «Наивный пацан! Ты думаешь, информация – королева вселенной? Нет, только деньги!»

— Я слышал по телевизору, что информация без страха — просто бумага.

— Точно так!

— А что это у Вас за кролик на столе? Стекланный?

— Талисман, — сказал Берлага. — Прозрачный, как вся моя бухгалтерия.

— То-то у Вас досье, то есть личное дело, такое тоненькое.

— Я свято чту законы Российской Федерации.

— Вот смотрю я на Вас, дядь Степан, и думаю. Вы не бедный человек, а говорили, что все вокруг разорялись. Даже те, кто умел считать лучше Вас. А почему Вы в бизнес не пойдёте?

— Не дай Бог в России заниматься бизнесом. Я просто хорошо считаю. Раньше считал, сколько заработать. Теперь считаю, сколько не потерять. А попочасы — это вообще святое. Их не украдёшь.

— А что это такое?

Отчёты Лидочка переплетала в кожаные папки с золотым тиснением, а Попович ставил на полки — ровными рядами, как полковник. Глядит на корешки — и на душе тепло, как от выпитого чая. Раз в квартал папки забирала тётя Зина и относила в архив. Там Мишка Пончик, как помощник архивариуса, должен был оберегать их от пожара и затопления, а также выдавать по запросам. И вести учёт: кто, когда и сколько сидел.

Но вся работа по оцифровке, за которую Попович получал благодарности, а Мишка — оклад, в итоге сводилась к тому, чтобы бумага из кабинета начальника переместилась в сырой подвал.

Попович ошибся в отчёте. Написал «2349» вместо «2346». Три лишних часа.

Потянулся за корректором. Зазвонил телефон. Ошиблись номером. Трубку бросил. На бумаге осталось «2346». Идеально. Он потёр висок. Зажмурился. Поморгал.

На правом полушарии красная кривая пошла вверх.

Попович подошёл. Провёл пальцем по стеклу. Холодное. Прибор висел смиренно.

— Ты моё время жрёшь, — сказал он.

График пополз назад. 2345... 2340... 2000.

Попович посмотрел на свои руки. Сквозь пальцы просвечивал график. Он сжал кулак — красная линия сжалась вместе с ним. Взял чистый лист. Написал: «Работа есть». Сунул в щель.

Прибор выплюнул: «Принято».

Попович кивнул. Теперь он знал, чем кормить.

Вошла Лидочка с подносом. Компот. Сушки. Поставила на стол, сказала «Кушать подано» и вышла.

На кресле сидела кожаная папка с золотом: «А.Н. Попович».

В обед в магазин «Прогресс» зашли пошатывающиеся Савелий и Захар. Савелий — впереди, Захар — за ним.

— Давай это, — скривился Савелий.

Надежда Последняя подняла голову.

— Чего давай? Я вам не эта!

— Давай чего есть. Бабло. Рубли или доллары.

— Нет ничего. Все несут бумажки с попочасами, а я их не беру.

— Так не бывает.

Савелий перегнулся через прилавок. Надежда ударила его пачкой гречки. Пачка лопнула. Крупа посыпалась — на пол, на плечи, за шиворот.

— Попала, — сказал Савелий, отряхиваясь.

— Ещё хочешь?

— Хочу.

— Только ты промахнулась.

Она схватила пустую бутылку, разбила о прилавок. Стекло блеснуло. Полоснула по руке. Кровь брызнула на прилавок, на гречку, на её фартук.

Савелий посмотрел на порез. Кровь капала на пол.

— Зря, — поморщился.

Захар зашёл сбоку. Схватил её за горло одной рукой. Пальцы вжались в кожу. Она хрипела, била его по руке — он не отпускал. Не душил. Просто держал.

— Пусти, ирод! — закричала Надежда. — Пусти!

Захар отпустил. Она осела на табурет, схватилась за горло, задышала. Смотрела на них мокрыми глазами.

— Забирайте, — прохрипела. — Всё забирайте. Только проваливайте, черти.

Савелий вытер кровь о штанину. Снял с витрины тёмно-зелёные очки. Протёр о рукав. Посмотрел на свет.

— Это зачем? — спросил Захар.

— Хоть что-то.

Сунул другу в карман. Вышли. Дверь хлопнула.

Надежда осталась одна. На прилавке — брызги крови. На полу — гречка, осколки, грязные следы от сапог. Посидела. Потом захныкала и заревела.

Утром Попович очнулся в кресле, мокрый, как мышонок. Руки на месте. Ноги на месте. Посмотрел на прибор — он там же. Сел и расстегнул воротник, тяжело дыша.

— Приснилось, — пробормотал он, — Это я забуду.

Запел про трусы и часы. Про то, что время не вода и не вернётся никогда.

Попытался встать. Кресло не отпустило. Он рванулся — пальцы побелели на подлокотниках. Закрыв глаза, сосчитал до трёх, вскочил. Выбежал в коридор. Через минуту вернулся. Сел обратно. Потому что забыл, зачем выбежал.

Тётя Зина нашла в тазу с дождевой водой мокрый протокол заседания по клумбам. Отжала и подала.

— Алексей Никитич, доброе утро! Бумажка ваша. В тазу плавала.

Она поправила у него воротник. Попович не заметил. Тётя Зина вздохнула и вышла. Он взял протокол, перевернул. Его резолюция была выведена тем же корявым почерком, каким Левша писал жалобу.

— Не моя, — сказал он и выбросил в мусорное ведро. Но ручка вырвалась из руки и начала выводить цифры чуть быстрее, чем он успевал думать.

Попович моргнул. Когда открыл глаза, ручка лежала на столе, а отчёты уже лежали идеальной стопкой. Он потрогал край — бумага была тёплой.

Тётя Зина шваброй задела график. Тот качнулся.

Она отшатнулась, перекрестилась: «Ишь ты, шевелится, окаянный».

Попович отмахнулся: «У тебя давление скакнуло». Но сам покосился на стену. Хронометр висел смиренно, только кривая поднималась, хотя новых протоколов не поступало.

— А ты мужа не искала? — Лидочка жевала жвачку.

Тётя Зина выпрямилась, опираясь на швабру.

— И не думала. Сына Лёшку ремнём лупил. Потом один человек сказал: «Зина, он слишком много знал. Не ищи».

— И ты поверила?

— А у меня выбор был? — Тётя Зина принялась тереть пол. — Я с тех пор веду свою бухгалтерию. Считаю шаги и запоминаю, кто когда сколько часов в кабинетах провёл.

— Зачем?

— Так спокойнее. Знаешь больше — легче обходить углы.

Лидочка перестала жевать.

— Страшно с тобой, тётъ Зин.

— Страшно не должно быть. Внимательно. Я не просто полы мою. Я чужие дни стираю. Память не стирается. Она под плинтус уходит.

Алексей Никитич поднялся. Глядя в заснеженное окно, вспомнил молодость. Тогда он пришёл в горком коммунистической партии с горящими глазами и папкой предложений по улучшению городского хозяйства. Второй секретарь горкома Гарин прочитал, крикнул и сморщился: «Сынок, главное — сиди ровно. Инициатива наказуема исполнением. Исполнение — новыми инициативами. Ясно?» Попович пожал плечами и вышел.

А Гарин вспомнил, как спал на планёрке. Ему снился съезд КПСС, но почему-то пустой зал и окна, заколоченные досками. Он крикнул: «Где правда?» Из-под досок выполз сквозняк и прошептал: «Правда там, где её нет. Окна закроешь — правда кончится». Гарин проснулся, велел законопатить окна в горькоме на зиму и с тех пор требовал от подчинённых только одного: чтобы отчёты не сквозили.

Четверть века назад утром Попович вышел из дома в очках с тёмными стёклами.

— Свет режет, — сказал жене.

Она молча мыла посуду. Не повернулась.

Воздух в кабинете начальника управления информации застоялся ещё со времён Брежневца.

На подоконнике кактусы выстроились по ранжиру: самый высокий от губернатора, самый кривой от мэра, засохший от зама, которого посадили. На ковре чернильное пятно не выводилось. Попович не застилал, пусть видят, что работа идёт.

Попович иногда гладил их по колючкам. «Терпеливые, — шептал. — Ждать умеют».

Кактусы поливала тётя Зина. Она ходила в платке и валенках круглый год. Знала про всех всё: кто с кем спит, кто сколько получает, у кого в тумбочке коньяк и конфеты.

Без неё жизнь в управе встала бы. Она знала, где ключи, где кофе, у кого какая зарплата и какая работа. Подметала полы и бормотала: «Расселись. Толку — ноль».

В шкафу у Поповича стояли папки с делами, которые никогда не открывались. На столе — стопка отчётов, пахнущих сухой бумагой и пылью.

В кабинет вошла тётя Зина в голубом халате, со шваброй.

— В коридоре тот Левша. Часы твои делал. Говорит, дело есть.

Попович разрешительно махнул рукой.

Вошел мужичок в фиолетовом плаще. В руках чёрная кепка и потёртая папка.

— Чего тебе? — спросил Попович.

— Алексей Никитич, — начал Левша, — мне на том заводе, где работал, куча металлолома осталась. А чтоб его вывезти, нужна бумажка. Разрешение. Подпись начальника. Ваша.

Попович нахмурился.

— Иди на автобазу, найми грузовик и вывози.

— Там не принимают. Говорят, завод не существует. А металл существует. Странно, да?

— И что мне с того?

— А то. — Левша поставил папку на стол. Посмотрел сквозь Поповича. — Прибор из того пресса. Он десять человек раздавил. Время их в железе застряло. Я там работал в первую смену, а после второй, когда это случилось, я его выкопал и Вам отдал. Вы время людей в бумагу превращаете. Только его не обманешь. Он сам обман. Когда пресс людей в кашу превращал, начальство написало: произошёл несчастный случай. Там правда была — кровь по стенке. А бумага была — план производства выполнен.

Попович наклонил голову и посмотрел на Левшу.

Левша посмотрел на Поповича воспалёнными глазами. По спине начальника пробежал холодок: мужичок не угрожал, а просто констатировал факт. Как погоду. Будто говорил: «Если пса не накормишь, он тебя сожрёт».

— Он помнит вкус крови, — добавил Левша. — Пока его кормишь заполненной бумагой — он сыт. Но он всегда голоден. Он без тебя не сможет. И ты без него... тоже, кажется, уже нет. Это честная сделка. Я тебе — память о мёртвых. Ты мне — бумажку на их металл.

— Это ты мне его подсуетил, — отодвинулся от стола Попович. — Сам и забирай.

— Не могу. Было нашим — стало Вашим.

— Давай сюда форму, — буркнул Попович.
Мужичок положил бумажку на стол.
Начальник подписал. Не прочитав.
— Чего раньше не пришёл?
— Приходил. Жалобу оставлял.
— На что?
— На жизнь. Проверял, как система бумажки принимает.
Попович достал и поставил печать. Печать щёлкнула.
Левша вышел. Дверь закрылась. В кабинете стало тихо.

Левша вышел из управы, посмотрел на небо и улыбнулся.
Савелий и Захар мрачно курили у ворот.
— Стоять, — приказал Савелий, — закурить не найдётся?
Левша остановился: «Сам не курю и вам не советую».
Савелий рванул папку. Бумажка с печатью, которую подписал Попович, выпала в грязь.
Захар поднял.
— Отдайте, ребята.
— Отдадим. — Захар порвал, бросил в лужу.
Савелий дал подзатыльник. Кепка слетела. Левша поднял, натянул: «Ну, коты! Артемон с вами разберётся».
Повернулся и пошёл.
Захар сплюнул: «А где его пудель?»
Савелий махнул рукой: «Привязал где-то и забыл. Наверно, опять у магазина «Прогресс».
Нам они ничего не сделают. Даже если захотят».

В шестнадцать часов городская комиссия по борьбе с тунеядством разбирала личное дело Ильи Муромова, который даже сегодня поленился прийти в управу. Иванюк, бывший учитель труда, докладывал с обидой: «Тридцать три года лежит на печи! Ни одного официального трудоустройства! Даже в школе не убирал!»

— Тридцать лет на печи — это диагноз. Правда, товарищ Кащенко? — обратился Кузнецов к психиатрше.

Та покрутила пальцем у виска.

Попович важно кивнул: «Труд — это святая обязанность. Тунеядство — грех. Как фамилия этого поэта, которого Иосифом звали?»

— Ну не Сталин же! — побагровел Иванюк. — За такие намёки уголовное дело заводить пора!

— Не выносите приговор без следствия! — выступила Кащенко, — Я же не ставлю диагнозы без анализов. Мы же живём в правовом цивилизованном государстве!

— А мне ты по телефону сказала «дура»! — крикнула Бегемотова.

— Ну это понятно! — развела руками Кащенко и посмотрела по сторонам.

— Нет, ты при всех объясни, почему я дура! — вскочила Бегемотова.

— Потому что ты полная дура! — задрала нос Кащенко.

— Ща дуэль будет! — пропел Волков Иванюку.

Грета отодвинулась от стола.

Бегемотова прыгнула через стол на Кащенко, обе свалились на пол и давай кататься.

— Идите в баню! — взревел Берлага и растащил их.

— Да уж, а мы тут пашем! — поднялся Попович. — Счастливый Илья. Ни отчётов, ни совещаний. Может, он умный, а мы так, присутствуем.

Все посмотрели на всех.

— Что расселись, бездельники? Идите и трудитесь. Покиньте мой кабинет. Вон отсюда!!!
Никто не сдвинулся с места.

— Вы все мне снится. Иногда по отдельности, иногда хором, — Попович опустил в кресло.

Попович закрыл глаза, задремал и оказался в чистом поле на сером коне. В кольчуге и с двумя мечами в руках. Ветер выл, дождь барабанил.

Напротив Змей о трёх головах угрожал: «Армен вас всех продаст и купит!»

Чешуя красная, как пиджак Тугарина.

Алёша Попович рубанул левую голову. Упала, посыпались рубли металлические. Рубанул правую — взлетели бумажки с кляксами.

Центральная голова с золотой цепью на шее захохотала и прошипела голосом Армена: «А это не моё! Это народное! Получи попчасы!»

Попович открыл глаза. В кабинете тихо. Левша ушел. Алексей Никитич посмотрел на прибор, кажущийся железным зверем, поёжился. Пролетело несколько минут или лет.

Внезапно Попович схватился за живот и побежал в туалет. Стащил брюки, сел на унитаз и устался в кафельную стену, где под надписью «ФАК» скрещивались два меча. Сердце колотилось. Он кряхтел, переминался, наклонялся — ничего. Попович просидел так полчаса. В тишине услышал, как в коридоре легко прошмыгнула Лидочка. А он сидит здесь.

— Полжизни на одном месте, — простонал он. — И всё. Остановка. Бюрократический запор. Не управился.

Он тяжело поднялся и натянул брюки. Ноги не сгибались. Сделал шаг — колени хрустнули — как сухой лист, в котором ещё осталась осень. Второй — ступни не чувствовали пола. Схватился за косяк.

Перед умывальником остановился, посмотрел в зеркало. Оттуда смотрел неудачник. Усталый старик с обвисшими щеками. Он понял: с кресла уже не встанет. Не потому что не может. Потому что не хочет. Сиденье — удобное. Бумага тёплая. Ложь родная. Посмотрел на свои пальцы. Они не дрожали.

Плеснул в лицо холодной водой. Вода попала на очки. Мир поплыл.

— Нельзя, — прошептал он в мокрое стекло своему отражению. — Нельзя всю жизнь тратить на эти попчасы. Снял очки, протёр их рукавом. Мир стал чётким и жестоким. — Надо получать другие. Не бумажные. Живые.

Вышел из туалета. В коридоре было тихо, но за мутным окном уже начиналось.

В марте 2000-го грачи вернулись, как и обещали календари, но асфальт всё ещё держал наледь.

Крики грачей пробивались сквозь двойные рамы. Они требовали полноценной весны, а он только что пытался заставить себя жить легко и свободно, но не смог.

Вечером — планерка по грачам. Старушка Ключкина звонила и жаловалась на загаженные тополя.

— Мы Чистоплюйск, а не Грязноплюйск, — открыл Попович. — Чистота начинается с отчётов. Если написано «чисто» — значит, чисто. Даже если грязь.

Все закивали.

Кузнецов сказал: «Алексей Никитич, вы сидите криво».

Попович съехал на левый бок кресла. Попытался выпрямиться — не смог. Встал — пошёл ровно. Сел — снова криво. Уже на правый бок.

За окном грач каркнул и улетел.

Попович вздохнул, оглядел притихших чиновников.

— Знаете, в чем разница между нашим совещанием и похоронами? На похоронах хотя бы покойник есть. А у нас — одни присутствующие.

За столом засмеялись.

Бегемотова зачитала решение в протокол: «Проведено орнитологическое мероприятие. Благодаря слаженной работе властей грачи прилетели, весну принесли. Претензий у грачей нет».

Попович подписал, глянул в окно — грачи орали, как резаные. Грета положила бумагу в папку. Все вышли на цыпочках.

Он встал и забежал в туалет. Стоял над писсуаром, смотрел на струйку. «Время утекает, — подумал он. — А я стою и считаю капли».

Подошёл к умывальнику. Глянул в зеркало. Отражение стояло ровно. Он выпрямился — отражение съехало. Он зажмурился и долго стоял, не открывая.

Потом открыл глаза, тряхнул головой и вышел.

На следующий день в 9:15 в управе раздался женский плач. Это была молодая уборщица из архива. Её только что уволила Бегемотова за то, что она выбросила ветхий архивный акт, который должен был храниться вечно.

Попович вышел в коридор, посмотрел на плачущую девушку, потом на строгую тётю Зину и поднёс указательный палец к губам: «Граждане, тише — соблюдайте регламент. Идёт заседание». Вернулся в зал.

Низкорослый чернобородый бизнесмен Армен в красном пиджаке с пуговицами под золото не прерывался: «Инвесторы в Чистоплюйск идти не хотят, а цены на стройку выросли, пришлось влезть в долги, поэтому и задержал уплату налогов».

— Ты, Армен, как ёлка, — скривился Попович. — Раз в год украшаешь город, а потом исчезаешь. Платишь налоги, когда хочешь, но никогда — вовремя.

— Зачем Вы, Алексей Никитич, меня опять обижаете? Поступит оплата на следующей неделе. Рассчитаюсь с казной, а потом и новогодние украшения куплю, которые просите.

— Мы не просим, мы предлагаем. Так, что отказать нельзя. Тогда уже и ёлку из лесу привези, на площади посадим. А то каждый раз новую — накладно.

— Спасибо за Вашу доброту. Не забуду.

— Не паясничай, Армен. Присаживайся, пока не посадили. Что у нас дальше по повестке? Берлага, доложи о предварительных итогах года.

Ветер открыл окно. Бумаги зашелестели и разлетелись по кабинету.

Грета встала и закрыла окно за спиной. Кащенко, Бегемотова и Лысенко собрали бумаги и положили на стол.

Степан Степаныч медленно вышел к трибуне и стал бубнить по всем статьям доходов и расходов бюджета. Через пять минут Иванюк тихонько засопел.

Когда остальные присутствующие начали дремать, в зале раздался звонкий «чпок!». Это Попович открыл баночку «Неженки». Зачерпнул ложечкой яблочное пюре, закатил глаза, облизал крышечку. Стеклотару спрятал в ящик — жене для рассады.

«Вот это — благодать. А не совещание. Жалко только, что бюджет всё равно дефицитный».

Кащенко встала и огласила резолюцию «С целью повышения благосостояния Чистоплюйска сочетать поддержку предпринимательства с государственным прессингом. Объявить благодарность Тугарину А.П. за усилия по привлечению инвестиций. Проверить городские ларьки на предмет законодательства». Все разошлись.

Через полчаса вошла Лидочка с чаем. Сообщила: в связи с участием в других заседаниях заседание по благоустройству набережной отменяется.

Неожиданно график показал +42 часа.

Попович проверил и засмеялся: «Что ты творишь: этих часов не было!».

Он сунул в щель пустой лист. Прибор выплюнул обратно. На листе стояла дата отменённого заседания и время: 12:00–13:00.

Попович сел. Посмотрел на прибор. Тот не двигался.

— Ты их посчитал? — спросил он.

Красная линия дёрнулась, будто спросонья, и замерла.

Попович вдруг понял: прибору всё равно, состоялось заседание или нет. Если написано — значит, сделано. Если было — значит, будет всегда.

Он засмеялся: «Ага, тебе всё равно!»

Подошёл и в микрофон приказал: «Выдай письменное пояснение за минувший квартал». Получил заполненный лист: «Проведено 32 совещания, заслушано 67 докладов, наложено 153 резолюции. Общее количество попочасов — 2 346. Создан фундамент для дальнейшей работы».

Он протянул бумагу, Лидочка зашла в кабинет: «Да, сейчас факс отправлю в Москву.

Он пил чай и думал: «Как хорошо устроена жизнь. Если ты умеешь правильно сидеть, она сама тебя прокормит. Пусть увидят, что работа кипит. Пусть завидуют: всегда всё гладко». Откинулся на спинку. Посмотрел в окно. За окном — ночь. Фонарь.

Попович опустил голову на руки. И вдруг сквозь тиканье ходиков в ушах услышал голос бабы Фёклы из детства. Ему десять лет. Он лежит на печи, а она шепчет сказку...

«Алёша и Змеёша

Жил-был малыш Алёша. Ровно в шесть утра у него звенел будильник. Алёша вставал, пил чай и шёл чинить мост.

Мост висел над глубокой рекой. Доски в нём были из минут, перила — из часов, а канаты сплетены из дней.

Под мостом жил Змеёша. Красный, чешуйчатый, с глазами как золотые монеты.

Перед рассветом он вылезал и перегрызал перила. Доска падала. Алёша по утрам вставлял новую.

— Ты зачем ломаешь? — спрашивал Алёша.

— А ты зачем чинишь? — шипел Змеёша.

— Чтобы люди ходили.

— А мне плевать.

И так каждый день. Время шло. Мост скрипел.

Однажды Змеёша не стал кусать перила. Он залез на середину моста, свернулся клубком и заснул. Река под мостом остановилась. Вода превратилась в стекло. Люди в посёлке замерли. Кто с ложкой, кто с топором, кто с улыбкой — все застыли, как на старой фотографии.

Алёша проснулся в шесть. Будильник не звенел. Чайник не кипел.

Он выбежал на мост.

— Вставай!

— Не хочу, — зевнул Змеёша. — Тихо.

— Река стоит!

— А мне нравится.

Алёша схватил топор. Хотел ударить. И замер.

Понял: если ударит — время так и застынет. Навсегда.

Он сел рядом. Свесил ноги над пустотой.

— Ты чего сел? — удивился Змеёша.

— Думаю.

— Ты не умеешь думать. Ты умеешь чинить.

— А ты умеешь ломать. Но без меня река высохнет.

— А без меня станет болотом, — сказал Змеёша.

Помолчали. Ветер не дул. Тишина давила на уши.

— Давай враждовать по-другому, — сказал Алёша и достал из кармана мел. Начертил на мосту линию.

— Это твоя сторона. Это моя.

— А посередине?

— Посередине река.

Змеёша посмотрел вниз. Река стояла внизу серая и грустная.

— Она без нас скучает, — сказал он.

Тогда Алёша легонько пнул перила. Змеёша укусил доску. Река взбрыкнула.

Алёша вырвал гвоздь. Змеёша толкнул столб. Река пошла. Сначала тихо. Потом быстрее. Зажурчала. Вода подхватила обломки, понесла, завертела.

— Ещё! — крикнул Змеёша.

— Держи! — крикнул Алёша.

Они разломали половину моста. Доски полетели в воду. Время сорвалось с места, закружилось, запенилось, засверкало на солнце.

Люди в посёлке вздохнули. Ложки зазвенели. Топоры застучали. День продолжился.

Алёша и Змеёша сидели на обломках над бурлящей водой.

— Завтра починим, — сказал Алёша.

— А послезавтра ломаем? — спросил Змеёша.

— А послезавтра ломаем.

Змеёша свернулся клубком. Положил тяжёлую голову на Алёшино плечо.

— Ты всё равно мой враг.

— А ты мой, — сказал Алёша.

Утром Алёша проснулся по звонку будильника. Чайник закипел.

Он вышел на крыльцо. Змеёша уже возился под мостом. Грыз новые перила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.